Дубликатъ.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПРЕДИСЛОВІЯ.

« Прежде, чѣмъ быть народовольцемъ, я соціалистъ и революціонеръ. Всѣ соціалисты-революціонеры — наши товарищи. Всѣ они — возможные члены нашей партіи. Ихъ отсутствіе въ нашихъ рядахъ составляетъ печальное явленіе, которое убѣжденный народовольецъ не можетъ не считать временнымъ. Но я обращаюсь даже и не только къ соціалистамъ-революціонерамъ, а къ всѣмъ честнымъ людямъ, которымъ истина, свобода и интересы народной массы дороже всего на свѣтѣ. Такими людьми мы, надѣюсь, были раньше, чѣмъ стали соціалистами-революціонерами, и только поэтому стали соціалистами-революціонерами, а затѣмъ, *логически* развивая свою мысль и дѣйствія, сдѣлались народовольцами. »

(Л. Тихомировъ. В.Н.В., N 4. 1883. стр. 236-237.)

« Одно изъ двухъ : или имѣешь силы для того, чтобы измѣнить режимъ, низвергая правительство, противящееся этому, или не имѣешь ихъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ никакой нужды въ политическихъ убійствахъ, въ послѣднемъ — они не приведутъ ни къ чему. »

« Нужно выработать идею созиданія, идею общественнаго устройства; только потомъ можно имѣть политическія свободы. »

(Л. Тихомировъ. Предисловіе къ нов. изд.
La Russie politique et sociale. 20 февр. 1888 г.)

Съ трудомъ вѣрится, чтобы оба эти отрывка принадлежали перу одного и того-же человѣка. Между ними такая колоссальная бездна, которой до сихъ поръ не удавалось перешагнуть ни одному убѣжденному революціонеру. И однако-же нашелся герой, способный на столь гигантскій подвигъ. Герой этотъ — Левъ Тихомировъ.

Въ предисловіи къ послѣднему французскому изданію своего сочиненія — « La Russie politique et sociale » онъ обмолвился нѣсколькими вскользь брошен-

ными замѣчаніями, изъ которыхъ видно его отрицательное отношеніе къ терроризму и вообще — къ революціонной дѣятельности въ Россіи. «Нужно выработать идею созиданія, идею общественнаго устройства; только послѣ этого можно имѣть политическія свободы», говоритъ онъ. Невольно приходитъ въ голову мысль: и ты побѣдилъ, Щербань!

Мы не намѣрены выступать съ протестомъ противъ Тихомирова. Фактъ совершенъ, и — одно изъ двухъ: или Тихомировъ вмѣняемъ, или — не вмѣняемъ. Въ первомъ случаѣ, онъ — отступникъ отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и измѣнникъ дѣлу, которому такъ долго служилъ, и можетъ интересовать насъ, русскихъ революціонеровъ, не больше того, насколько онъ прямо или косвенно способенъ вредить дѣлу революціи; во второмъ — поступокъ его не подлежитъ никакой нравственной оцѣнкѣ. Пока насъ не убѣдятъ въ послѣднемъ, мы будемъ смотрѣть на Тихомирова, какъ на психически здороваго человѣка. Но какъ-бы то ни было, протестъ излишенъ, излишенъ тѣмъ болѣе, что онъ уже появился со стороны «бывшихъ товарищей Тихомирова по дѣятельности и убѣжденіямъ», людей, большинство которыхъ, помимо общихъ интересовъ революціи, были связаны съ нимъ узами личной дружбы, товарищества, знакомства.

Мы ни въ какихъ личныхъ отношеніяхъ съ Тихомировымъ не были. Это значительно облегчаетъ наше положеніе и даетъ намъ возможность, послѣ всего происшедшаго, совершенно игнорировать Тихомирова, какъ личность, съ которой нужно было-бы сводить какіе-нибудь счеты.

И однако-же, мы будемъ говорить о Тихомировѣ и будемъ говорить много.

Дѣло въ томъ, что, прислушиваясь къ мнѣніямъ,

выражаемымъ по поводу всей этой исторіи, мы встрѣчаемъ даже попытки оправдать поступокъ Тихомирова, какъ основанный на искренности и потому нравственный. Мы видимъ въ этомъ страшное заблужденіе и считаемъ своей обязанностью установить правильную точку зрѣнія для сужденія о фактахъ, вродѣ даннаго, для оцѣнки личностей, подобныхъ Тихомирову.

Искренность, сама по себѣ, — прекрасное качество. Даже болѣе: искренность — одно изъ тѣхъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, на почвѣ которыхъ развиваются самыя благородныя черты характера личности. Наконецъ, особенно въ сферѣ индивидуальныхъ отношеній, искренность становится даже нравственнымъ требованіемъ. Человѣкъ долженъ быть искреннимъ, и потому, если онъ открыто высказываетъ все, что составляетъ предметъ его убѣжденія, то этимъ онъ выполняетъ свою нравственную обязанность.

Но нравственные идеалы общественности гораздо сложнѣе, и въ нихъ далеко не всегда первое мѣсто принадлежитъ искренности. Не входя въ изслѣдованіе содержанія этихъ идеаловъ, что увлекло-бы насъ далеко за предѣлы нашей задачи, мы замѣтимъ, что стремленіе всегда быть искреннимъ, какъ и вообще стремленіе къ личному совершенствованію, является по существу эгоистическимъ. Общественность-же вырабатываетъ нравственные идеалы, въ силу которыхъ личность должна приносить свои интересы въ жертву общественнымъ, доходя до крайняго предѣла самоотреченія, до пожертвованія жизнью общему благу.

Что одной только искренности мало для оправданія того или другого поступка, выходящаго изъ предѣловъ личной жизни человѣка, это не подлежитъ сомнѣнію.

Вѣдь, Гольденбергъ, говорятъ, поступалъ совершенно искренне, выдавая своихъ товарищей, и однако, вполнѣ

соглашаясь съ возможностью искренности въ данномъ случаѣ, мы не рѣшимся оправдать его. Вѣдь и Дегаевъ вначалѣ совершенно искренне былъ убѣжденъ въ томъ, что, войдя въ сдѣлку съ Судейкинымъ, онъ будетъ приносить громадную пользу дѣлу революціи; однако-же мы всѣ глубоко возмущаемся его поступкомъ. Правда, Дегаевъ, ставши одной ногой на избранный имъ скользкій путь, вскорѣ былъ увлеченъ совсѣмъ не по тому направленію, по которому онъ надѣялся идти. Но, вѣдь, еще вопросъ, чего намъ ждать отъ Тихомирова. Пока, и онъ только въ началѣ наклонной плоскости, по которой скатываются внизъ иногда съ быстротой поразительной. Да, наконецъ, стоитъ только представить себѣ того-же самаго Тихомирова искренне перемѣняющимъ свои убѣжденія не въ качествѣ эмигранта, обрѣтающагося въ столицѣ свободной республики, а узникомъ въ одиночной камерѣ Петропавловской крѣпости или Шлиссельбурга, гдѣ онъ легко могъ-бы очутиться, — и пусть бы кто-нибудь оправдалъ тогда его поступокъ.

И такъ, оцѣнка общественнаго дѣятеля требуетъ совершенно особенной точки зрѣнія; настолько-же отличающейся отъ точки зрѣнія, достаточной для оцѣнки человѣка, стоящаго внѣ общественной дѣятельности, насколько характеръ послѣдней отличается отъ характера сферы индивидуальныхъ отношеній.

Чѣмъ-же главнымъ образомъ характеризуется общественная дѣятельность?

Она ведется всегда во имя какой-нибудь идеи, составляющей душу ея, вдохновляющей ее и дающей ей нравственный смыслъ. Отсюда, первая обязанность общественнаго дѣятеля — по отношенію къ идеѣ, служенію которой онъ посвятилъ себя. Онъ долженъ дать себѣ строгій отчетъ раньше, чѣмъ выступить на арену дѣятельности, чтобы потомъ обстоятельства, необходимыя

или случайныя, не вызвали въ немъ сильныхъ колебаній съ ихъ возможными послѣдствіями: отступничествомъ, измѣной, переходомъ въ лагерь враговъ, предательствомъ.

Общественная дѣятельность связываетъ индивидуальные интересы человѣка съ интересами массы другихъ людей, стоящихъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ нему и идущихъ вмѣстѣ съ нимъ по одному пути — доставленія торжества ихъ общему дѣлу. Это устанавливаетъ и вторую обязанность общественнаго дѣятеля — при всякомъ своемъ шагѣ считаться съ интересами товарищей, принимая во вниманіе, что онъ отвѣтственъ по отношенію къ нимъ и за нихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе его роль приближается къ роли руководителя дѣятельности.

Въ виду этого уже становится яснымъ, что, оцѣнивая поступки общественнаго дѣятеля, нельзя разсматривать такое обстоятельство, какъ фактъ отреченія отъ своихъ убѣжденій, только въ зависимости отъ того, насколько искреннимъ и безкорыстнымъ является это отреченіе. Напротивъ, вопросъ объ искренности отступаетъ уже здѣсь передъ болѣе важными вопросами — о принципіальномъ значеніи факта, о томъ, какъ онъ отразится на интересахъ дѣла, которому человѣкъ служилъ, и людей, съ которыми былъ связанъ.

Тоже самое, только въ несравненно большей степени, примѣнимо къ революціонной дѣятельности, и особенность въ данномъ случаѣ зависитъ отъ того, что въ нее входитъ совершенно новый и громадной важности элементъ — активная борьба, доходящая иногда до страшной обостренности. Вотъ почему и требованія, предъявляемыя къ общественному дѣятелю въ этой области, гораздо строже, гораздо суровѣе.

Если вообще человѣкъ долженъ давать себѣ строгій

отчетъ въ своихъ поступкахъ, то здѣсь это требованіе должно доводиться до высшей степени, потому что дѣятельность, связанная съ активной борьбой рѣшаетъ вопросы объ интересахъ какъ участвующихъ въ ней личностей, такъ и внѣ ея стоящихъ, особенно — враждебныхъ ей партій, иногда въ самой жестокой формѣ.

Если вообще человѣкъ обязанъ по отношенію къ руководящей его дѣятельностью идеѣ, то здѣсь онъ долженъ доходить до возвышенія ея на степень святыни для себя, потому что только великія идеи могутъ оправдывать, вдохновлять и даже освящать революціонную дѣятельность; потому еще, что эти идеи имѣютъ обыкновенно слишкомъ много и слишкомъ сильныхъ враговъ и требуютъ самой энергической защиты, иногда невозможной безъ нѣкоторой доли фанатизма.

Наконецъ, если человѣкъ вообще долженъ считаться съ интересами личностей, связанныхъ съ нимъ единствомъ убѣжденія и дѣятельности, то въ данномъ случаѣ онъ обязанъ дѣлать это по преимуществу, такъ какъ это уже не спокойные, по крайней мѣрѣ за самые существенные свои интересы, послѣдователи; это — вѣчно подвергающіеся риску борцы, которыхъ свобода и даже самая жизнь находятся въ постоянной опасности.

И если все это обязательно для каждаго сознательнаго члена революціонной партіи, то тѣмъ болѣе — для руководителей движенія, личностей, на которыхъ сосредоточивается честь и слава революціи, которыя являются вдохновителями ея дѣятелей, которыя привлекаютъ въ ея ряды новыхъ борцовъ и, въ зависимости отъ того или другого веденія дѣла, ставятъ ихъ въ положенія, выходомъ изъ которыхъ можетъ быть каторга или висѣлица.

Теперь обратимся къ поступку Тихомирова и прежде всего установимъ, кто такой этотъ Тихомировъ, вопросъ

о чемъ въ его пресловутомъ предисловіи обойденъ глубокимъ молчаніемъ.

Тихомировъ — бывшій революціонеръ. Сынъ врача, онъ съ 1871 г. сталъ въ ряды пропагандистовъ, въ концѣ 1873 г. былъ арестованъ, привлеченъ къ процесу 193 и, оправданный по суду, въ началѣ 1878 г. — освобожденъ. О дѣятельности его до лѣта 1879 г. мы ничего не знаемъ. Но вотъ — Липецкій съѣздъ. Вмѣстѣ съ Желябовымъ, Ал. Михайловымъ, Колоткевичемъ, Ширяевымъ, Квятковскимъ и другими новаторами Тихомировъ вырабатываетъ программу реформы, которую рѣшено было представить и защищать на Воронежскомъ съѣздѣ общества «Земли и Воли». Липецкій съѣздъ, какъ извѣстно, принято считать исходнымъ пунктомъ организаціи партіи «Народной Воли», которая формально обособилась уже въ Петербургѣ 15 авг. 1879 г. Тихомировъ сталъ членомъ ея Исполнительнаго Комитета. Онъ-же принималъ участіе въ редактированіи органа партіи, «Народной Воли». 26 авг. 1879 г. состоялся въ собраніи членовъ Исполнительнаго Комитета приговоръ Александра II къ смерти, отъ нравственной отвѣтственности за который Тихомировъ не можетъ считать себя свободнымъ; наконецъ, какъ сообщаетъ нѣмецкій историкъ русскаго революціоннаго движенія, Тунъ, у котораго мы черпаемъ свѣдѣнія о Тихомировѣ, послѣдній былъ руководителемъ всѣхъ террористическихъ предпріятій партіи.

Во второй половинѣ 1882 г. онъ эмигрировалъ за границу, оставаясь тѣмъ не менѣе членомъ организаціи, и, со времени появленія «Вѣстника Народной Воли», редактируя вмѣстѣ съ П. Лавровымъ это изданіе — до выхода послѣдняго его номера въ декабрѣ 1886 г.

Затѣмъ начинается темный періодъ — 1887 г. Ко второй половинѣ его относится цитированное въ появив-

шемся протестѣ письмо къ П. Лаврову, въ которомъ Тихомировъ заявляетъ, что его убѣжденія не могутъ составлять ни для кого тайны, въ виду всего, что онъ писалъ раньше.

Повидимому, все обстоитъ благополучно, и вдругъ — новое изданіе « La Russie politique et sociale » и предисловіе къ нему, помѣченное 20 февр. 1888 г.! и вдругъ — это восхитительное : « одно изъ двухъ » и проч., такъ гармонирующее съ прощальнымъ заявленіемъ Тихомирова, помѣщеннымъ въ № 5. В. Н. В., гдѣ говорится : « Значитъ, новыя усилія соціалистовъ-революціонеровъ могутъ быть своевременны и удачны для дальнѣйшаго расшатыванія русскаго императорскаго деспотизма ». « Значитъ .... могутъ быть своевременны и удачны » 4 дек. 1886 г. и « не приведутъ ни къ чему » 20 февр. 1888 г.

Что-же произошло за этотъ промежутокъ времени съ « русскимъ императорскимъ деспотизмомъ », (который теперь названъ у Тихомирова уже болѣе почтительно — правительствомъ)? А ничего, что-бы могло привести « убѣжденнаго народовольца » къ тихомировскимъ заключеніямъ. Усилилась и обострилась реакція; если не обострилась, то расширилась оппозиція всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества; — явленія, которыя должны были-бы еще болѣе укрѣпить прежнія воззрѣнія « убѣжденнаго народовольца ». И однако-же, случилось какъ разъ обратное.

Но возвратимся къ нашей задачѣ, которая заключается теперь не въ теоретической оцѣнкѣ прежнихъ и нынѣшнихъ взглядовъ Тихомирова, къ тому-же еще и преждевременной, въ виду ожидаемаго отвѣта на поставленные ему въ вышеупомянутомъ протестѣ вопросы, а въ нравственной оцѣнкѣ его поступка. Здѣсь, каж-

дый нашъ шагъ все рельефнѣе рисуетъ намъ картину страшнаго паденія бывшаго вождя революціи.

Съ 1871 до 1888 г., т. е. втеченіе семнадцати лѣтъ, человѣкъ былъ убѣжденъ, что единственнымъ плодотворнымъ путемъ общественной дѣятельности въ Россіи можетъ быть только путь революціи. Это убѣжденіе сдѣлало изъ него соціалиста-революціонера, а затѣмъ, « логически развивая свою мысль и дѣйствія, онъ сталъ народовольцемъ », и даже « убѣжденнымъ народовольцемъ », который отсутствіе въ своихъ рядахъ всѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ « не можетъ не считать временнымъ », который въ силу своей убѣжденности позволяетъ себѣ обращаться съ призывомъ « даже и не только къ соціалистамъ-революціонерамъ, а ко всѣмъ русскимъ людямъ, которымъ истина, свобода и интересы народной массы — дороже всего на свѣтѣ ».

Во имя убѣжденности въ правотѣ своего дѣла Тихомировъ становится руководителемъ движенія, членомъ Исполнительнаго Комитета той партіи, которая, по сознанію нѣкоторыхъ, многаго требовала отъ своихъ членовъ и налагала на нихъ тяжелую отвѣтственность. И еще бы не тяжелую, если участія въ организаціи « Народной Воли » было достаточно для того, чтобы расплачиваться за это годами одиночнаго заключенія, каторги, а то — и висѣлицей! если чуть-ли не за одни сношенія съ руководителями этого движенія, хотя-бы съ тѣмъ-же самымъ Львомъ Тихомировымъ, люди приговаривались къ ссылкѣ! И онъ зоветъ ихъ за собой, считая, что, если они и станутъ жертвами, то во всякомъ случаѣ дѣло стоитъ жертвъ, и останавливаться передъ ними — преступно!

Во имя убѣжденности въ правотѣ своего дѣла онъ санкціонируетъ приговоръ 26 авг. 1879г., произнося тѣмъ самымъ и другой смертный приговоръ, который

впослѣдствіи будетъ подписанъ Александромъ III надъ его товарищами, участниками событія 1 марта. И Александръ II — жертва, и Желябовъ, и Перовская, и Кибальчичъ — жертвы, но дѣло стоитъ жертвъ, и останавливаться передъ ними — преступно!

Во имя убѣжденности въ правотѣ своего дѣла онъ является однимъ изъ руководителей всѣхъ террористическихъ предпріятій партіи. И опять — жертвы, массы жертвъ, но дѣло ихъ стоитъ и останавливаться передъ ними — преступно!

И Тихомировъ не останавливался. Съ момента зарожденія партіи « Народной Воли » онъ стоялъ въ ея рядахъ, въ одной изъ самыхъ отвѣтственныхъ ролей — въ роли вождя, вліяя своими статьями на убѣжденія и поступки не той или другой отдѣльной личности, а цѣлыхъ массъ.

Неужели всего этого недостаточно для того, чтобы честный человѣкъ сознавалъ себя до конца связаннымъ своимъ прошлымъ? Неужели можно согласиться съ тѣмъ, что Тихомировъ имѣлъ нравственное право раздѣлаться съ нимъ такъ, какъ онъ это сдѣлалъ?

Но, говорятъ намъ, чего-же вы требуете отъ человѣка? Не того-ли, чтобы онъ былъ обязанъ всю свою жизнь держаться разъ принятыхъ мнѣній? чтобы, если какія-нибудь причины заставляютъ его перемѣнить свои убѣжденія, онъ не имѣлъ права сдѣлать этого?

О, совсѣмъ нѣтъ! Перемѣняться убѣжденія людей могутъ. Вся жизнь человѣческая, весь опытъ жизни составляетъ матерьялъ, изъ котораго формируются убѣжденія; и, если этотъ матерьялъ обогащается неожиданно новыми фактами, то и въ убѣжденіяхъ человѣка, естественно, происходитъ неожиданный переворотъ, не оставляющій подчасъ и камня на камнѣ въ его прежнемъ міросозерцаніи.

Но пока, весь этотъ процессъ совершается въ субъективной, внутренней жизни человѣка, и уже отъ него самого, отъ его воли зависитъ, что предпринять въ виду этого дальше.

Тутъ, прежде всего, возникаетъ вопросъ: имѣетъ-ли основаніе Тихомировъ считать нынѣшнія свои убѣжденія настолько истинными, чтобы это дало ему хоть нѣкоторое право вѣрить въ ихъ прочность? Можетъ-ли онъ сказать, что теперь-то онъ ужъ не измѣнитъ ихъ больше?

Не думаемъ. Человѣкъ, семнадцать лѣтъ держащійся мнѣній, основаніемъ которыхъ является убѣжденіе въ необходимости революціоннаго пути общественной дѣятельности въ Россіи, и тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, перемѣняющій ихъ, такой человѣкъ не можетъ ручаться за прочность новыхъ своихъ мнѣній, обдумывать и провѣрять которыя онъ могъ всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Но, быть можетъ, Тихомировъ давно уже сталъ думать въ духѣ своего «предисловія», и мы только не знаемъ этого? Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ цитированное выше свидѣтельство отъ декабря 1886 г., со времени котораго не прошло и пятнадцати мѣсяцевъ, а, вѣдь, за этимъ стоитъ періодъ въ пятнадцать лѣтъ. Пятнадцать лѣтъ и пятнадцать мѣсяцевъ — отношеніе никакъ не въ пользу послѣднихъ убѣжденій Тихомирова!

Наконецъ, можетъ быть, онъ думалъ такъ еще раньше: и въ то время, когда писалъ свои «Запросы времени», и въ то время, когда писалъ — «Чего намъ ждать отъ революціи», и даже во время своего пребыванія въ Россіи? Можетъ быть, онъ думалъ такъ и въ эпоху подготовленія событія 1 марта? Тогда, конечно, его нынѣшнія мнѣнія имѣютъ за собой гораздо болѣе продолжительный періодъ времени и могутъ съ боль-

шимъ основаніемъ претендовать на прочность; — но..... сдѣлать такое предположеніе даже по отношенію къ Тихомирову мы не рѣшаемся.

Если-же этого допустить нельзя; если еще годъ тому назадъ Тихомировъ вѣрилъ въ то, во что теперь уже не вѣритъ больше; если періодъ его новыхъ вѣрованій такъ ничтоженъ сравнительно съ періодомъ убѣжденности въ совершенно противномъ, то не долженъ-ли онъ былъ пока вовсе молчать? не долженъ-ли онъ былъ въ крайнемъ случаѣ просто сойти со сцены, скромно уступивши свое мѣсто въ рядахъ движенія, котораго логическій и нравственный смыслъ и значеніе оказались ему не по силамъ?

Но защитники Тихомирова, (весьма, впрочемъ, немногочисленные) разсуждаютъ иначе. Если человѣкъ созналъ, что до сихъ поръ онъ ошибался, то нѣтъ и не можетъ быть ничего естественнѣе, законнѣе, нравственнѣе, какъ откровенно заявить о своей ошибкѣ и на будущее время поступать въ духѣ новыхъ своихъ воззрѣній, принимаемыхъ имъ за истину.

Да, если дѣло касается теоретическихъ истинъ науки. Да, если дѣло касается практическихъ задачъ индивидуальной жизни.

Нѣтъ, если вопросъ идетъ уже не объ отвлеченной наукѣ, не объ интересахъ личной жизни одного или даже нѣсколькихъ индивидуумовъ; — если выступаютъ на сцену интересы общественнаго движенія, доходящаго до активной борьбы поборниковъ ветхаго завѣта съ проповѣдниками новаго; если эта борьба требовала и брала свои жертвы; если ея исторія запечатлѣна подвигами героевъ, тѣнями мучениковъ!

Къ этому человѣкъ не имѣетъ права относиться безразлично. Здѣсь уже, въ образѣ прошлаго, возстаетъ передъ нимъ грозная, могучая сила, съ которой онъ дол-

женъ считаться, если онъ былъ участникомъ этого прошлаго, и особенно — если онъ былъ вождемъ.

Тогда, вѣдь, онъ отвѣтственъ за все въ этой борьбѣ! За страданія сотенъ и тысячъ людей; за массы разбитыхъ жизней, искалѣченныхъ существованій; за слезы матерей и отцовъ, сестеръ и братьевъ, у которыхъ отнимали все, для нихъ дорогое; за вынужденныя проклятія тиранамъ и новыя страданія; за стоны и вопли замучиваемыхъ медленной смертью и, наконецъ, за самую смерть, за кровь.....

Но что-же ему дѣлать въ виду всего этого?

Быть честнымъ и помнить, что *ошибки вождей — преступленія!*

Да, это — безконечно болѣе тяжкія преступленія, чѣмъ преступленія передъ закономъ! Тамъ человѣкъ становится преступникомъ въ глазахъ другихъ только потому, что его поступокъ противорѣчитъ установленнымъ нормамъ, въ установленіи которыхъ онъ не принималъ никакого участія, съ которыми самъ онъ не согласенъ, противъ которыхъ онъ, быть можетъ, даже протестуетъ во имя сознанія ихъ нелѣпости; — здѣсь-же онъ преступникъ передъ самимъ собою, передъ своей совѣстью. Съ того момента, какъ онъ призналъ ошибочными свои прежнія убѣжденія, которыми освящалось его нравственное право дѣйствовать, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, онъ долженъ превратиться въ своихъ глазахъ въ величайшаго преступника, въ простаго убійцу, только не одного, а сотенъ и тысячъ людей, смерть которыхъ теперь для него ничѣмъ не можетъ быть оправдана.

Онъ долженъ сознавать это, если у него сохранилась хоть искра честности, и онъ не можетъ пережить этого сознанія, если онъ честенъ въ полномъ смыслѣ слова!

Какъ далекъ отъ всего этого Тихомировъ!

Намъ остается присмотрѣться еще къ одной сторонѣ поступка Тихомирова, сторонѣ, которой мы до сихъ поръ не касались. Мы говоримъ о формальномъ проявленіи тихомировской сущности. Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ пробнымъ камнемъ для оцѣнки приписываемыхъ защитниками Тихомирова ему свойствъ — искренности, честности и нравственности.

До сихъ поръ, мы показали, что вопросъ объ искренности не можетъ быть центральнымъ пунктомъ аргументаціи ни за, ни противъ Тихомирова.

Мы показали далѣе, что, понимаемыя въ полномъ и истинномъ смыслѣ, — честность и нравственность не по плечу Тихомирову.

Однако, мы допускаемъ возможность такого соображенія: требованія, подобныя выставленнымъ вами, можно предъявлять только великимъ характерамъ, а Тихомировъ — обыкновенный смертный; вы должны имѣть это въ виду прежде, чѣмъ обвинять его за то, что онъ — не герой. Мы не согласны съ тѣмъ, чтобы наша точка зрѣнія была примѣнима только къ героямъ, потому что развязка, логически вытекающая изъ нея, въ положеніи, въ какомъ находится Тихомировъ, есть удѣлъ далеко не однихъ героевъ.

Но допустимъ даже, что она требуетъ героизма, а все, что мы до сихъ поръ открыли въ Тихомировѣ, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи и тѣни возвышенности въ его характерѣ, возвышенности, которой отличались герои терроризма, и которой Тихомирову не добыть никакой цѣной отреченія отъ « принижающей борьбы съ агентами полиціи ».

Посмотримъ, насколько онъ можетъ удовлетворить даже тѣмъ требованіямъ честности и нравственности, которыя можно предъявить къ каждому обыкновенному смертному. Этимъ же мы попутно рѣшимъ вопросъ и

о томъ, насколько неподлежащей сомнѣнію является тихомировская искренность?

Чего-же въ концѣ концовъ можно требовать отъ обыкновеннаго смертнаго?

Будемъ, на сколько возможно, снисходительными и доведемъ свои требованія до минимума; вѣдь, и эта минимальная честность, низведенная даже до обыденно-житейскихъ свойствъ — порядочности, нравственной чистоплотности, что-нибудь да значитъ. Если мы находимъ хоть такую честность въ той или другой личности, то послѣдняя, несомнѣнно, выигрываетъ въ нашихъ глазахъ, что-бы она ни совершила.

Но тщетно мы станемъ искать чего-нибудь подобнаго въ нашемъ послѣднемъ анализѣ поступка Тихомирова.

Провозглашая мнѣнія, которыя для знающихъ Тихомирова являются отреченіемъ и измѣной, онъ ни однимъ словомъ не обмолвливается о томъ, кто онъ. Вѣдь, читая его предисловіе, можно подумать, что оно написано совершенно постороннимъ революціи человѣкомъ, третирующимъ свысока этихъ « они », которые « толковали обо всемъ — отъ свободы до соціализма » и привели, значитъ, къ чепухѣ, такъ-же, какъ и позднѣйшихъ террористовъ, для которыхъ « великія соціальныя проблеммы отступаютъ на задній планъ въ виду принижающей борьбы съ агентами полиціи ».

Далѣе. Тихомировъ отрекается отъ прежнихъ своихъ убѣжденій. Онъ высказывается по двумъ капитальнѣйшимъ пунктамъ своего прежняго міровоззрѣнія — о революціонномъ характерѣ дѣятельности въ Россіи и о терроризмѣ; — и гдѣ-же онъ дѣлаетъ это?

На страницахъ французскаго предисловія, посвященнаго сведенію счетовъ, съ мнѣніями о его книгѣ, высказанными въ той или другой газетѣ, какъ видите — дѣлишками его писательскаго самолюбія. Кончаетъ съ « Bi-

bliographie catholique, — Passons à d'autres » — и переходитъ къ l'Intransigeant и т. д. Вообще, разоблаченіе своихъ нынѣшнихъ мнѣній онъ дѣлаетъ только вскользь, между прочимъ, благо — къ слову пришлось. Въ замѣткѣ Atheneum'а онъ усматриваетъ удобный поводъ, которымъ и пользуется, « чтобы отвѣтить здѣсь нѣкоторымъ его читателямъ, соотечественникамъ, относительно того, что называется терроризмомъ ».

Точно будто-бы вопросъ и не заслуживаетъ большаго вниманія! Будто-бы такой фактъ, какъ радикальная перемѣна убѣжденій человѣка, можно поставить на одну доску съ вопросомъ о томъ, на какіе языки переведено его сочиненіе! Будто-бы, наконецъ, его читателямъ — соотечественникамъ не слѣдовало отвѣтить на ихъ языкѣ и отвѣтить имъ непосредственно, а не искать для этого повода въ замѣткѣ англійскаго журнала! И почему-бы ужъ было, автору, также en passant, не сообщить своихъ видовъ на будущее?

Но довольно, ибо тутъ мы уже подошли къ рубежу, за которымъ открываются обширныя пространства топей и болотъ. Остановимся здѣсь и задернемъ завѣсу передъ перспективой, въ которой намъ пришлось-бы увидѣть Тихомирова утопающимъ въ трясинѣ, въ которую его увлекаетъ его добрая воля.

Намъ-же, въ виду всего сказаннаго раньше, остается обратиться ко всѣмъ честнымъ людямъ и поставить имъ только одинъ вопросъ : можетъ-ли цинизмъ идти далѣе, и можно-ли предполагать искренность — признакъ величія характера — въ томъ жалкомъ нравственномъ ничтожествѣ, имя которому — Левъ Тихомировъ?

ГРУППА НАРОДОВОЛЬЦЕВЪ.

Парижъ, 15 апрѣля 1888 г.